

ОТЗЫВ официального оппонента

на диссертацию Карамышева Ильи Сергеевича на тему «Гносеологические и онтологические ресурсы математики», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания в диссертационный совет МГУ.09.01

Диссертация Ильи Сергеевича Карамышева посвящена давным-давно известной, но по-прежнему сохраняющей актуальность теме. Математика, по крайней мере со времен древних пифагорейцев и Платона, завораживала философов: кто-то стремился ей подражать, кто-то с возмущением отвергал, но мало кто оставался равнодушным.

Диссертант утверждает, что «степень разработанности проблемы невелика, а текстов, посвящённых непосредственному её изучению, нет» (с. 8 диссертации). Это не совсем верно. Помимо классических текстов, по этой проблематике имеется и ряд современных работ. Сошлюсь, для примера, на монографию Флейшхэкера «За пределами структуры» (1995).¹ Этот автор отслеживает границы применимости «математизма», в том числе при попытке распространить его на сферу метафизики, превратить философию в еще одну математическую науку. Могу упомянуть также и собственные усилия (начиная с середины 1990-х гг.) разобраться со спецификой функционирования математических понятий и образов в философском мышлении, которые нашли отражение в моей диссертации и ряде последующих публикаций. Если же включить в рассмотрение и работы, посвященные успехам и неудачам «применения» математики в философских рассуждениях конкретных философов, то список релевантной литературы станет практически необозримым.

Тем не менее, если говорить о наличии обобщающих и суммирующих работ по обсуждаемой теме, то с утверждением диссертанта об их отсутствии следует согласиться. Целью диссертационной работы И.С. Карамышева является уточненная постановка вопроса об использовании математики при построении философских рассуждений и написании философских текстов в общем виде: что математика способна дать философу? Для ее решения диссертант вводит концепт «философские ресурсы математики», который он затем сужает до «гносеологических и онтологических ресурсов математики». Во введении этих концептов и испытании их на практике при обсуждении

¹ Fleischhacker L.E. Beyond Structure: The Power and Limitations of Mathematical Thought in Common Sense, Science and Philosophy. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. На русском языке имеется рецензия на эту книгу, написанная В.Я. Перминовым («Социальные и гуманитарные науки. Серия 3: Философия». 1998. № 2. С. 36-53).

различных авторов и проблем состоит, на мой взгляд, главная новизна и достоинство диссертации.

Сразу хотел бы отметить, что еще одним важным достоинством диссертации является хороший слог, а также ясность, четкость и последовательность рассуждений автора, что сильно облегчает выявление в них спорных мест и их критику.

Что касается общей концепции диссертации, то в ней наблюдается интересная особенность: хотя взаимодействие философии и математики (в смысле симметричных отношений) неоднократно упоминается, все рассуждение строится исходя из их жесткой *несимметричности*. При чтении текста диссертации не оставляет ощущение, что математика для автора есть нечто *предзаданное*: соответствующие математические понятия и теории в каком-то не проясненном смысле предшествуют их открытию в истории. Сама математика оказывается, тем самым, *не вполне историчной*. Математика меняется в истории, но это есть лишь «развитие и расширение» (с. 11 диссертации), т.е., по всей видимости, исключительно *кумулятивное* изменение. По отношению к этой предзаданной математике оцениваются и судятся различные формы и способы ее применения в исторически изменчивой философии. На такое понимание намекает и выбор терминов: «ресурсы математики» и «некорректное использование ресурсов математики» (с. 13 диссертации), но еще больше — особенности применения диссертантом этих терминов. Хотелось бы обратить внимание на четвертое из выносимых диссертантом на защиту положений. В нем сказано: «Ресурсы математики продуктивно применяются в философии, когда происходит обращение к некоему общему (для математики и философии) источнику проблем» (с. 15 диссертации). Другими словами, диссертант смотрит на отношения философии и математики *статично*, что можно выразить на языке теории множеств или диаграмм Эйлера-Венна: «общий источник проблем» это что-то вроде области, принадлежащей пересечению двух множеств («математика» и «философия»), а следовательно, неизбежно считающейся и частью множества «математика». Однако в *динамической* перспективе это не так. Общий источник проблем — это то, что еще не получило оформления ни в виде отчетливых математических понятий, ни в виде отчетливых философских концептов, и может его получить или не получить, а если и получить, то разными способами. Это пока или не математика и не философия, или философия, но никак не математика. На каком основании мы считаем это пока еще не определившееся (с математической точки зрения) нечто, наряду с исторически оформившимися математическими понятиями и теориями, «ресурсами математики», если

только математика не предзадана в некотором смысле, а математические понятия и теории не существуют до и независимо от случайного момента их появления в истории? Такая позиция хорошо известна и вполне допустима, но она не является самоочевидной и требует явной формулировки и обсуждения.

Указанная особенность последовательно проводится автором через все диссертационное исследование. При этом он систематически трактует как использующие ресурсы математики многие философские тексты, которые говорят о чем-то далеко не очевидно математическом. Например, рассуждения Платона в диалоге «Парменид» о «едином» и «многом» ретроспективно интерпретируются как математические в свете математического осмысления этой темы в теории множеств Георга Кантора (с. 28-31 диссертации). Оправданность подобной *презентистской* интерпретации древних текстов является дискуссионной и требует явного рассмотрения с учетом выдвинутых по данному поводу аргументов и контраргументов (дилемма «презентизм — антикваризм»).

Диссертация состоит из четырех глав, если не считать введения и заключения. Глава первая начинается с обсуждения естественной отправной точки для избранной темы, а именно с текстов Платона. Параграф 1.1 посвящен пифагорейско-платонической традиции. Он носит поверхностно-обзорный характер, что, в частности, выражается в утверждении автора, что математика и ее отношение к философии понимается во всей пифагорейско-платонической традиции (включая средний платонизм и неоплатонизм) также как у Платона (с. 24 диссертации). Другими словами, диссертант сосредотачивается исключительно на сходствах и не доходит в своем анализе до уровня, на котором становятся видны различия по обсуждаемому вопросу в рамках этой традиции. При этом, например, приписываемый Аристотелем пифагорейцам тезис «все есть число» воспринимается как аутентичное описание доктрины ранних пифагорейцев (критика такого представления при этом никак не учитывается: работы Л.Я. Жмудя и др.) (например, с. 27 диссертации). Утверждение, что Платон использует математические понятия «исключительно как метафоры» (с. 30 диссертации), остается просто декларацией, оно никак не разъясняется и не обосновывается. С другой стороны, общая характеристика пифагорейско-платонической традиции в целом дана, на мой взгляд, достаточно точно и адекватно: 1) математика как пропедевтика и 2) математика как источник математических метафор для философии (с учетом высказанного выше замечания о желательности прояснить использование термина «метафора» в данном контексте).

Параграф 1.2 посвящен использованию ресурсов математики у современных французских философов Алена Бадью и Квентина Мейясу, а именно теории множеств и теории вероятностей. Причем, в отличие от платоновского, способ применения названных ресурсов названными французскими философами диссертант подвергает резкой критике. Особенно подробно анализируется привлечение вероятностных соображений в главе «Проблема Юма» книги Мейясу «После конечности» (2006), которое признается диссертантом некорректным. Этот анализ, к сожалению не оставляет диссертанту места для какого-либо реального разбора той роли, которую играют ресурсы математики в философских концепциях Бадью и Мейясу как целом.

Заключительный параграф 1.3 первой главы отведен под обсуждение ошибок философов и переводчиков философской литературы при употреблении математических терминов. В качестве замечания, хотелось бы отметить, что хотя описываемый феномен действительно имеет место, он не имеет специфического отношения к математике, но является достаточно универсальным. Если бы мы вместо математических терминов проследили употребление в философских текстах физических, химических, биологических терминов, то, полагаю, обнаружили бы сходную картину.

Если первая глава посвящена математике в качестве философской пропедевтики, а также способу обращения философов с математическими понятиями и терминами, то вторая — обсуждает математику в роли универсального философского метода. Главные персонажи здесь Декарт и Лейбниц, но обсуждаются они на широком фоне от средневековых авторов до логических позитивистов, включая критику переноса математического метода в философию у Канта и Гегеля. Вывод диссертанта полностью негативный: «Строго говоря, несмотря на многочисленные декларации и попытки, методы математики в философии в подлинном смысле не применяются и не применялись» (с. 79 диссертации). При таком огромном охвате материала неизбежны мелкие некорректности. Например, понятие универсальной математики вводит не Прокл (вопреки утверждаемому на с. 58 диссертации), а Аристотель, которого Прокл просто пересказывает.

С вопросом о методе диссертант связывает вопрос об основаниях математики, которому посвящена третья глава. Здесь также на широком культурном фоне рассматривается переход от претендующих на абсолютность программ обоснования математики начала двадцатого века (например, программа формализма Гильберта) к отказу от таких абсолютных претензий сейчас (например, программа унивалентных оснований Воеводского). При этом, к сожалению, причины такого перехода так и

остаются непроясненными, поскольку смутного указания на изменение ситуации в самой математике (с. 101 диссертации) вряд ли достаточно.

На мой взгляд, диссертант ошибочно понимает позицию Давида Гильберта по вопросам оснований математики. В отличие от того, что утверждается автором (с. 101, 88 и 11 диссертации), программа Гильберта не была нацелена на *автоматизацию* получения математических результатов. Диссертант явственно понимает программу формализма как наследника концепции универсальной характеристики Лейбница. Однако, это не верно. Гильберт ориентировался не на Лейбница, а на Канта, и он никогда не предполагал заменять интуитивную содержательную математику полностью формализованными алгоритмами. Гильбертовская метаматематика (теория доказательств), изучающая формализмы как самостоятельный математический объект, планировалась им как отдельная пристройка к существующей математике с целью доказательства непротиворечивости и доброкачественности неформальной математики, а не с целью ее замены на чисто формальную «игру с символами».

Последняя (четвертая) глава диссертационного исследования обсуждает то, что автор называет «локальным применением ресурсов математики» в философии. Под этим он понимает уже упоминавшееся выше применение математических аналогий и метафор. Это все, что, по-видимому, остается, поскольку и математика как универсальная пропедевтика, и математика как универсальный метод больше не вызывают доверия: это, по мнению диссертанта, «универсалистская амбиция», «которая не была реализована и постепенно сошла на нет» (с. 106 диссертации). Полагаю, такая оценка несколько поспешна. Например, современная англоязычная философия по-прежнему (несмотря на сход со сцены логического позитивизма) в значительной степени остается *аналитической*, что, в частности, означает большой интерес к применению в философских рассуждениях формально-математических методов. Причем способ которым при этом используются символическая логика и математика сильно отличается от способа работы с ней таких французских философов как Жиль Делёз или Ален Бадью.

Параграф 4.1 посвящен теме «Маркс и математика». Вывод диссертанта чисто негативный: хотя интерес Маркса к математике совершенно закономерен, если учесть исторические особенности его эпохи, однако он остается в значительной степени бесплодным; Маркс не создает с помощью своей философии ничего нового в математике, но и в философии, он «не создаёт при помощи математики существенно новых концептов» (с. 111 диссертации). В параграфе 4.2 обсуждается использование в

современной философии сознания теоремы Гёделя о неполноте (1931). Вывод опять же оказывается негативным: «оснований говорить о продуктивности применения ресурсов математики в этом направлении пока нет» (с. 115 диссертации). Наконец, параграф 4.3 рассматривает способы присутствия математики в религиозно-философских текстах. Охват материала снова очень широк: от представлений о числе в языке традиционных культур и в Библии до версии онтологического аргумента, принадлежащей Курту Гёделю (1970), однако основным персонажем выступает Николай Кузанский. Вывод диссертанта весьма сдержанный: да, математический язык и математические метафоры применяются «для иллюстрации религиозных догматов или для их защиты от рационалистической критики, когда пытаются показать, что выразимость отстаиваемых положений на языке математики гарантирует, что они не противоречат современной науке» (с. 122-123 диссертации). Однако степень продуктивности и корректности подобных попыток остаются под вопросом.

На мой взгляд, при такой трактовке оказывается упущен ряд важных моментов. Так вся платоническая тематика, связанная с представлением о *срединном* статусе математики между дольным и горним, который делает ее уникальным и незаменимым *посредником* между двумя мирами, работающим как *символ* горнего в дольном, даже присутствуя в приводимых цитатах из Николая Кузанского (с. 120-122 диссертации), не вычленяется автором диссертации и не подвергается специальному анализу и обсуждению. Для платонической традиции это больше, чем просто метафоры и аналогии. Эта тема развивается далее в европейском романтизме (например, у Новалиса²) и наследуется символизмом конца девятнадцатого и начала двадцатого веков. В том числе, русским символизмом и тесно связанной с ней русской религиозной философией, например, о. Павлом Флоренским. Для представителей названной традиции речь идет не просто о поверхностных аналогиях или достаточно случайных метафорах, т.е. всего лишь необязательных иллюстрациях. От этой темы невозможно просто «отмахнуться», она требует специального обсуждения и анализа.

Для уточнения заявленной в диссертации позиции полезно учесть материал представленный в статье И.С. Карамышева «В чужой монастырь со своим уставом: ресурсы математики в текстах Д. Хармса».³ Здесь он, с одной стороны, прямо и бескомпромиссно ставит вопрос о «единственно верном

² См. Dyck M. *Novalis and Mathematics*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1960.

³ Карамышев И.С. В чужой монастырь со своим уставом: ресурсы математики в текстах Д. Хармса // *Философия и общество*. 2019. № 1. С. 39-56.

применении ресурсов математики» (с. 39 названной статьи), а с другой, явно признает право философов, поэтов и писателей на свободное и творческое обращение с математическим материалом, которое имеет полное и законное право быть *продуктивным* не для развития математики, но для решения специфических художественных, теологических или философских задач (с. 54-55 статьи). Однако, если не имеет смысла оценивать с точки зрения современных биологических представлений утверждение Хармса, что он «родился из икры», то может быть и способы использования Бадью теории множеств заслуживают оценки с точки зрения иных, нематематических критериев?

Отдельного критического замечания заслуживает подбор используемой в диссертации литературы. Многие ссылки по историко-философским вопросам даются на Вильгельма Виндельбанда (очень старые работы) или Рэндалла Коллинза (достаточно современная работа, но написанная не историком философии, а социологом), а по истории математики — на Мориса Клайна (скорее, научно-популярная книга). При обсуждении темы «Флоренский и математика» отсутствуют ссылки на специальные работы по данной теме. Также не используются недавние специальные работы о применении математики Николаем Кузанским и его предшественниками в богословско-философском контексте⁴ и об онтологическом аргументе Гёделя⁵. Перечень можно продолжать.

При этом следует отметить, что И.С. Карамышев взялся за довольно сложную тему и ему удалось сделать при ее разработке очень много. Кроме того, охват затрагиваемых в обсуждаемой диссертации тем настолько широк, что попытка учесть всю релевантную литературу сталкивается со вполне естественными объективными трудностями.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 09.00.01 — «Онтология и теория познания» (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена,

⁴ Albertson D. *Mathematical Theologies: Nicholas of Cusa and the Legacy of Thierry of Chartres*. New York: Oxford University Press, 2014.

⁵ Gödel's Ontological Argument: History, Modifications, and Controversies / Ed. by K. Świątorzecka. Warszawa, 2015.

согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Карамышев Илья Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 — «Онтология и теория познания».

Официальный оппонент:

кандидат философских наук,
заведующий кафедрой философии естественных факультетов
философского факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»
Шапошников Владислав Алексеевич

«11» сентября 2020 года

Контактные данные:

тел.: +7(495)9391346, e-mail: nature@philos.msu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

09.00.08 - Философия науки и техники

Адрес места работы:

119234, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский»
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»,
философский факультет, кафедра философии естественных факультетов
Тел.: +7(495)9391925, e-mail: info@philos.msu.ru

Подпись Шапошникова В.А. удостоверяю:

Ученый секретарь
философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
кандидат социологических наук,
доцент

Е.К. Прокудина

«11» сентября 2020 года